[21] Systematic theology. Vol. 1. P. 111, 133.
[22] Ibid. P. 130.
[23] Ibid. P. 278.
[24] Dinamics of faith. N. Y., 1957. P. 103.
[25] The new being. N. Y., 1955. P. 76—77.
[26] The protestant era. P. 163.
[27] *Tillich P.* Gesammeite Werke. Bd. 1. P. 318.
[28] Ibid. P. 319.
[29] Ibid. P. 331—332.
[30] The religious situation. N. Y., 1956. P. 35.
[31] Systematic theology. Vol. 1. P. 130—131.
[32] Ibid. P. 130.
[33] The new being. P. 121.
[34] Dynamics of faith. P. 9.
[35] Systematic theology. Vol. 1. P. 10, 11.
[36] Dynamics of faith. P. 15—17.
[37] Systematic theology. Vol. 1. P. 223—224.
[38] The protestant era. P. 225—226.
[39] Theology of culture. N. Y., 1959. P. 68.
[40] Systematic theology. Vol. 1. P. 208.
[41] The eternal now. N. Y., 1963. P. 135—142.
[42] The protestant era. P. 174—175.
[43] Systematic theology. Vol. 1. P. 210.
[44] Ibid. P. 215.
[45] The shaking of the foundations. P. 88—90.
[46] Dynamics of faith. P. 56.
[47] Theology of culture. P. 182—187.
[48] The shaking of the foundations. P. 88—90.
[49] *Tillich P.* Gesammelte Werke. Stuttgart, 1958. Bd. 7. P. 124.
[50] Systematic theology. Vol. 1. P. 216.
[51] Ibid. P. 113.
[52] The shaking of the foundations. P. 38—50.
[53] Ibid. P. 48.
[54] *Tillich P.* Gesammelte Werke. Stuttgart, 1957. Bd. 2. P. 86.
[55] The protestant era. P. 108.
[56] Systematic theology. Vol. 1. P. 217.
[57] The protestant era. P. 108—109.
[58] См., например: *Аверинцев С. С.* Знак Маринеи, неотомизм, католическая теология искусства // Вопр. лит. 1968. № 10.

Ф. БРЕНТАНО — ИСТОРИК ФИЛОСОФИИ АРИСТОТЕЛЯ

Б. В. Мееровский, Б. В. Бирюков

Франц Брентано (1838—1917) — австрийский философ, непосредственный предшественник феноменологии Э. Гуссерля. Брентано, начав свою деятельность в качестве католического священника, в 1873 г. был, однако, лишен духовного сана в связи с отрицанием догмата Троицы и учения о папской непогрешимости. В последующие годы Брентано — профессор философии в Вюрцбурге и Вене. В 1880 г. он вынужден был оставить профессуру и целиком посвятил себя научной и литературной деятельности.

Философские взгляды Брентано формировались под влиянием Аристотеля, которому он уделяет большое внимание в своих историко-философских сочинениях. В жизни и деятельности Брентано были три периода, в течение которых он интенсивно занимался Аристотелем. Первый период — это годы пребывания в Берлинском университете (1858—1859), где он слушал лекции Тренделенбурга, который в своих «Логических исследованиях» (1840) трактовал философские категории с теологическо-аристотелевских позиций. В этот период Брентано изучает труды Аристотеля и пишет первые работы о философии Стагирита: «О многообразии значения бытия по Аристотелю» (1862), «Психологическое учение Аристотеля» (1867). Идеи аристотелевской психологии Брентано развивает в своем сочинении «Психология с эмпирической точки зрения» (1874).

Второй период в жизни и деятельности Брентано, связанный с исследованиями Аристотеля, относится к 80-м годам XIX в. В эти годы Брентано обращается к Аристотелю в связи с полемикой с Э. Целлером, автором известной «Философии греков» в трех томах (1844—1852). Дело в том, что в «Психологическом учении Аристотеля» Брентано пытался обосновать креационистский тезис о том, что человеческий ум (nus) создан, по Аристотелю, богом, а не существовал извечно. В данной связи Брентано подверг критике противоположный тезис, который отстаивал Целлер. Последний возражал Брентано в третьем издании «Философии греков», главным образом в обширных подстрочных примечаниях. Брентано ответил Целлеру в книге «О креационизме Аристотеля» (1882) и публикацией «Открытого письма Целлеру» (1882—1883).

После 20-летнего перерыва, в 1905 г., у Брентано возникает план изложения философии Аристотеля в целом. Этот третий, аристотелевский, период совпадает с изменениями во взглядах Брентано, его обращением к реизму, поворотом к объективному идеализму. Свой план, однако, Брентано не осуществил. Этому помешало ослабление зрения и наступившая затем слепота. Но проведенную подготовительную работу Брентано использовал при написании статьи «Аристотель» для изданного в 1911 г. Астером коллективного труда «Великие мыслители». Названную статью в расширенном виде Брентано издал в том же году отдельной книгой под названием «Аристотель и его мировоззрение». В том же 1911 г. появилась и другая книга — «Учение Аристотеля о возникновении человеческой души».

Историко-философские работы Брентано об Аристотеле пронизаны мыслью, что изучение истории философии должно служить решению насущных философских проблем. И это не просто фраза. Брентано в своих исследованиях Аристотеля действительно не только был интерпретатором Стагирита, но и органично связывал с его учением собственные философские, логические и психологические взгляды.

Это убедительно показывает Р. Георге в предисловии к книге Ф. Брентано «Об Аристотеле. Из рукописного наследия» (Гамбург, 1986)[1].

В наибольшей мере связь взглядов Брентано с учением Аристотеля раскрывается при рассмотрении логических и психологических воззрений австрийского философа. Конкретно же речь идет о его трактовке содержания суждения и концепции интенционального сосуществления.

Брентано вначале исходил из того представления, что суждение, по Аристотелю, может быть названо истинным или ложным в смысле — существующим или несуществующим. Сущее понимается Брентано в смысле бытия истины (Wahrsein), а не-сущее — в смысле бытия лжи (Falschsein). В соответствии с таким подходом каждое суждение есть высказывание о существовании (Existenzaussage), утверждающее или отрицающее наличие (Bestschein) некоторого положения вещей (Sachverhalt). Например, «а есть большее, чем b», передается им так: «Что а больше, чем b, это имеет место ⟨ist (der Fall)⟩».

Такая позиция кажется Брентано оправданной потому, что он считал тогда, что рядом с предметным (der Dingliche), сущностным (Wesenhaften), реальным должна быть принята область существующего, или область положения вещей, а кроме того, и область несуществующего. «И можно сказать... подобно Аристотелю: суждение истинно тогда, когда о чем-то существующем оно утверждает, что оно существует, а то, что не существует, оно отвергает, и ложно тогда, когда оно приходит в противоречие с тем, что существует или не существует»[2].

Таким образом, содержания суждений (Urteilsinhalte) образуют, согласно раннему Брентано, некоторую область бытия (Seinsbereich), к которой добавляется еще (состоящая из действительных ⟨wirklichen⟩ и недействительных ⟨nichtwirklichen⟩ предметов) область реального. Без сомнения, это неоправданное введение областей бытия (наряду с содержаниями суждений им принимаются — как особые роды существующего — еще и коллективы, отношения, части континуума) имеет своим источником приписываемое Аристотелю различение различных значений сущего.

Но это приводит теорию содержания суждений Брентано к онтологической цепной реакции, ибо если яблоко красное, то оно не зеленое, желтое и т. д., так что с каждым истинным суждением связывается некоторая бесконечность содержаний. На рубеже столетий Брентано подобно Расселу и в отличие от своих учеников Мейнонга и Марти (Marty) пришел к заключению, что такое умножение областей существующего не оправдано. Он объяснил свою ошибку неверным прочтением начала «Второй Аналитики» Аристотеля.

После 1905 г. Брентано развивал более удовлетворительную онтологию реизма, согласно которой надо представлять и принимать только реалии (Realia) предмета, возможные в данное время. В соответствии с этим он делал теперь ударение не на начале «Второй Аналитики», а на то место из «Метафизики» (Е 4 1027 25), где Аристотель говорит, что истина и ложь заключены не в вещах, а в мыслях.

Влияние Аристотеля явственно обнаруживается и в развиваемом Брентано учении об интенциональной природе сознания. Интенциональность (направленность) сознания он трактовал как «существование объекта в духе», ибо объект становится предметом только в акте познания. При этом безразлично, существует ли этот объект реально или нет. Теория интенциональности, утверждавшая, что полагание предметов в мысли выражает сущность сознания, была развита Брентано в работе «Психология с эмпирической точки зрения», а именно в утверждении о необходимости разграничения физических и психических феноменов, а также в учении об интенциональном сосуществовании (intentionale Inexistenz). В качестве примеров физических феноменов Брентано приводит: «Цвет, фигуру, ландшафт, которые я вижу; аккорд, который я слышу; тепло, холод, запах, которые я ощущаю; а также аналогичные образы (Gebilde), которые являются в моей фантазии»[3].

Психические феномены, по Брентано, суть представления, возникающие посредством ощущений или фантазии (воображения). «Под представлением (Vorstellung) я понимаю не то, что представляется, а акт представления»[4]. К представлениям Брентано относит «каждое суждение, каждое воспоминание, каждое ожидание, каждый вывод, каждое убеждение или мнение, каждое сомнение, каждое движение души — радость, печаль, страх, надежду, мужество, отчаяние, гнев, любовь, ненависть, стремление, желание, намерение, удивление, восхищение, презрение и т. д.»[5] Психические феномены, и только они, всегда обладают предметами, которые в них «интенционально сосуществуют».

Из этого положения вытекают два важных вывода: первый — эта интенциональная внутренняя присущность (intenzionales Innewohnen) не может быть сведена к экстенциональным атрибутам; второй — для психических феноменов имеются соответствующие предметы, или объекты.

Рассмотренная концепция Брентано отчетливо обусловлена его интерпретацией Аристотеля. В книге «Психологическое учение Аристотеля» Брентано интерпретирует Стагирита в том смысле, что последний различает психическое присутствие некоторого качества в чувстве или чувственном органе (Sinnesorgan) и объективную актуализацию этого качества. Моя рука сама может быть теплой или холодной, но это совсем не то, что я с помощью своей руки воспринимаю, что нечто является теплым или холодным. Относительно ситуации второго рода Аристотель также говорит, что орган чувств является теплым или холодным, так как чувство, по Аристотелю, воспринимает чувственную форму. Однако в этом случае следует считать, что качество присутствует в чувстве (органе чувств) не физически, а некоторым другим образом, а именно присутствует *объективно*, как выражается Брентано, используя терминологию средневековой философии.

Интерпретируя подобным образом Аристотеля, Брентано опирается на одно высказывание Стагирита в сочинении «О душе». Вот оно: «. . .нет разумного основания считать, что ум соединен

с телом. Ведь иначе он оказался бы обладающим каким-нибудь определенным качеством, он был бы холодным или теплым или имел бы какой-то орган, как имеет его способность ощущения; но ничего такого нет»[6].

Согласно Брентано, Аристотель критикует здесь не то мнение, что ум в физическом смысле может быть холодным или теплым. В гораздо бóльшей степени Аристотель хочет этим сказать, что если бы ум был соединен с телом, то он должен был бы содержать в себе тепло или холод или какое-либо другое качество как принадлежащий ему предмет. Но так как он (ум) не имеет такого предмета, то, следовательно, он не связан с телом[7].

В анализе этого аристотелевского фрагмента у Брентано впервые встречается понятие интенционального восуществования, или восуществления, хотя самого термина еще нет. Вместо этого Брентано говорит, что чувство или ум есть нечто «объективное» в противоположность физическим состояниям. Но тут для Брентано возникает следующая проблема: как, по Аристотелю, ум, если он есть нечто объективное, может вообще познавать свое собственное состояние? Как мы воспринимаем то, что мы мыслим, видим, слышим, желаем и т. д.? Эта проблема затрагивается Аристотелем в его сочинении «О душе» (кн. III, гл. 2) и в «Метафизике» (кн. XII, гл. 9), где говорится: «... ум мыслит сам себя, если только он превосходнейшее и мышление его есть мышление о мышлении. Однако совершенно очевидно, что знание, чувственное восприятие, мнение и размышление всегда направлены на другое, а на себя лишь мимоходом»[8].

Брентано интерпретирует названные места из сочинений Аристотеля с позиций интенциональной трактовки актов сознания, понимаемых как функция субъекта, выраженная в его направленности на объект. В то время как у Аристотеля способности души актуализируются, с одной стороны, в результате активности сознания, а с другой — в результате воздействия на душу внешних объектов, в истолковании Брентано аристотелевская модель «превратилась в призрачную схему, где реальный организм оказался подмененным познающим субъектом, а реальный предмет — идеальным объектом»[9].

Следует также иметь в виду, что у Аристотеля сознание человека, его душа направлены на реальный объект, тогда как у Брентано объект не реален, а феноменален, поскольку его бытие мыслится зависящим от актуализации его сознанием субъекта. Согласно Брентано, вне акта сознания объект не существует, акт же, в свою очередь, с необходимостью предполагает «направленность», т. е. интенцию: «Мы можем определить психические явления, сказав, что это такие явления, которые интенционально содержат в самих себя объект»[10].

Автор вступительной статьи к сборнику «Об Аристотеле», западногерманский исследователь Р. Георге полностью солидаризируется с брентановской интерпретацией гносеологии и психологии Стагирита. «Нет никакого сомнения в том, — пишет он, — что

Брентано пришел к центральной идее своей „Психологии с эмпирической точки зрения" посредством усвоения аристотелевской психологии»[11]. С этим вряд ли можно согласиться. Не отрицая, естественно, того большого влияния, которое оказал Аристотель на Брентано, нельзя все же превращать Стагирита в предшественника учения об интенциональной природе сознания, развиваемого Брентано.

Солидаризируется Р. Георге и с брентановской интерпретацией теологии Аристотеля, в особенности с трактовкой аристотелевского бога. Речь идет, в частности, о трактовке фрагмента, содержащегося в «Метафизике» (кн. 12, гл. 4). Напомним, что в этой главе рассматриваются «причины и начала» различных родов бытия. Аристотель относит к ним форму, отсутствие (лишение) формы и материю. В качестве же четвертой причины он называет движущееся начало. «А помимо этих причин, — замечает Аристотель, — имеется еще то, что как первое для всего движет все»[12]. Согласно Брентано, Аристотель хочет здесь сказать, что бог есть все, поскольку он есть причина всех вещей. Более того, он есть демиург, творец мира и его прамыслитель.

Во вступительной статье к первому тому сочинений Аристотеля В. Ф. Асмус справедливо обращает внимание на то, что бог Аристотеля есть неподвижный перводвигатель, высшая форма, созерцающий чистый ум. В то же время он есть также и цель мира. «Бог Аристотеля — как бы идеальный, величайший и совершеннейший философ, созерцающий свое познание и свое мышление чистый теоретик»[13]. Однако аристотелевский бог отделен от материального, чувственного мира, он и не творит мир, как демиург Платона. Несмотря на известную неопределенность представлений Стагирита о боге, большинство исследователей, включая советских историков философии, полагают в отличие от Брентано, что аристотелевский бог не выступает ни творцом, ни прамыслителем мира. Известно также, что, комментируя гегелевскую трактовку идеи бога у Аристотеля, В. И. Ленин отмечает в «Философских тетрадях»: «Конечно, это — идеализм, но он объективнее и *отдаленнее, общее*, чем идеализм Платона, а потому в натурфилософии чаще=материализму»[14].

В заключение нужно сказать, что Брентано немало сделал для уточнения хронологии сочинений Аристотеля. Замысел Брентано состоял в том, чтобы упорядочить хронологию бóльшей части трудов Аристотеля на основании развития аристотелевского учения об определении. Брентано полагал, что отчетливое понимание развития этого учения и применение определений в сочинениях Аристотеля позволяет заключить, что мысль философа развивалась от «Топики» ко «Второй аналитике», далее к «Метафизике» (кн. 7, кн. 4), затем к сочинению «О частях животных». Брентано аргументирует эту гипотезу обстоятельным и тонким анализом определений и терминов, используемых Аристотелем в его сочинениях. «Сомнительно, — пишет Р. Георге, — чтобы критерий Брентано был применим во всей полноте, но тем не менее данную точку зрения следует

принять во внимание»[15]. Особенно продуктивна гипотеза Брентано, считает Георге, применительно к логическим трудам Аристотеля.

* * *

Приводим библиографию основных сочинений Ф. Брентано, посвященных Аристотелю:

Brentano F. Von der mannigfochten Bedeutung des Seienden nach Aristoteles. Freiburg im Br., 1862.

Brentano F. Die Psychologie des Aristoteles. Mainz, 1867.

Brentano F. Der Creationismus des Aristoteles. Wien, 1882.

Brentano F. Offener Brief an Eduard Zeller. Leipzig, 1883.

Brentano F. Aristoteles und seine Weltanschaung. Leipzig, 1911.

Brentano F. Aristoteles Lehre vom Ursprung des menschlichen Geistes. Leipzig, 1911.

Brentano F. Über Aristoteles. Nachgelassene Aufsätze/Hrsg. von R. George. Hamburg, 1986. Книга представляет собой сборник текстов из рукописного наследия Брентано, относящихся преимущественно к 1908—1911 гг.

[1] *Brentano F.* Über Aristoteles: Nachgelassene Aufsätze/Hrsg. R. George. Hamburg; Meiner, 1986. S. IX—XXVII.
[2] Ibid. S. XII.
[3] *Brentano F.* Psychologie vom empirischen Stadpunkt. Leipzig, 1874. S. 111.
[4] Ibid. S. 112.
[5] Ibid.
[6] *Аристотель.* О душе // Соч.: В 4 т. М., 1975. Т. 1. С. 433.
[7] *Brentano F.* Die Psychologie des Aristoteles. Mainz, 1867. S. 120.
[8] *Аристотель.* Соч. Т. 1. С. 317.
[9] *Ярошевский М. Г.* История психологии. М., 1976. С. 231.
[10] *Brentano F.* Psychologie vom empirischen Standpunkt. S. 116.
[11] *Brentano F.* Über Aristoteles: Nachgelassene Aufsätze. S. XVII.
[12] *Аристотель.* Соч. Т. 1. С. 305.
[13] *Асмус В. Ф.* Метафизика Аристотеля // Аристотель. Соч. Т. 1. С. 26.
[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 255.
[15] *Brentano F.* Über Aristoteles: Nachgelassene Aufsätze. S. XXIII.